

Яблоков Михаил Сергеевич, к.и.н.
Тюменский государственный институт культуры

Семешко Наталья Анатольевна, профессор
Тюменский государственный институт культуры

Федотов Александр Сергеевич, старший преподаватель
Тюменский государственный институт культуры

ПУШКИН И ДОСТОЕВСКИЙ «НА ПРОСТОРАХ» СИБИРЕВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье приведён краткий обзор материалов, связанных с жизнью и творчеством Достоевского и Пушкина, озвучены отдельные стороны их деятельности применительно к Сибирскому региону, а также намечены некоторые направления духовно-культурного исследования.

Ключевые слова: Достоевский и феномен духовного перерождения. Сибирь Пушкина как начало пути. Спор о духовном лидерстве.

В своих многочисленных публичных лекциях, приуроченных к презентациям очередных книжных изданий, руководитель фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Григорьевич Елфимов аргументированно доказывает, что местом рождения Ф. М. Достоевского как цельной духовной православной личности является Сибирь, а конкретно, её древняя столица – город Тобольск. Именно здесь произошло чудесное перерождение либерала-вольнолюбца и петрашевца в истинно верующего христианина, пожалуй, одного из самых масштабных писателей за всю историю нашей страны. Пытаясь обосновать свою гипотезу о превращении «Савла в Павла», А.Г. Елфимов приводит многочисленные факты Сибирской истории, объяснение которых выходит далеко за рамки научно-исторической методологии, отрицающей мистические составляющие происходящих событий. Достаточно указать на ряд сверхъестественных явлений, предшествующих основанию духовной столицы Сибири – Тобольску. Явлений, документированно описанных как Семёном Ульяновичем Ремезовым, так и другими лицами, заслуживающими самого широкого доверия [1].

Нельзя исключить предположения, что подобные «космические» вещи происходили и с самим Фёдором Михайловичем во время его пребывания в «регионе»; тем более, что на страницах его романов, в частности, «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», талантливо описаны события как раз мистического характера.

Фонду «Возрождение Тобольска» принадлежит, в числе прочих, заслуга в обогащении корпуса исследовательских материалов о жизни и деятельности великого русского писателя, а «кульминационным» пунктом можно назвать выпуск в свет роскошного «Евангелие Ф. М. Достоевского», куда помимо репринтного воспроизведения Нового Завета 1823 года, лично принадлежащего Фёдору Михайловичу и сохранившего пометки в тексте, вошли исследовательские материалы и комментарии, составленные группой квалифицированных учёных и составляющие 1200-страничный объём.

На наш взгляд, особого интереса заслуживает исследование Б. Н. Тихомирова, одного из участников данного проекта. Работа называется «Отражение Евангельского Слова в текстах Достоевского», где автор предпринимает попытку заложить основы для углублённого изучения характера и приёмов использования Нового Завета в творчестве писателя, определены направления предстоящей работы и даны конкретные образцы аналитического рассмотрения отражений текста Нового Завета в произведениях выдающегося христианского художника и мыслителя [2] Уже выявленные на сегодняшний день материалы поражают своим объёмом и многообразием. Борис Николаевич Тихомиров, достоевед, доктор филологических наук и составитель обширного энциклопедического словаря по наследию Ф. М. Достоевского, пожалуй, одним из первых крупных учёных доказал, что Библия была не

только объектом многолетних напряжённых размышлений писателя, но она была инструментом и языком его мысли. Библейские языковые клише, библейские образы и идеологемы органично и образно входят в его речь, определяя своеобразие художественного и публицистического дискурса даже тогда, когда писатель пишет на темы, далёкие от религиозной проблематики. Б. Н. Тихомиров убеждён, что потребуются много усилий учёных для того, чтобы до конца осмыслить собранные свидетельства о всеприсутствии Евангельского слова в текстах Достоевского. (там же)

Другой исследователь, В. Н. Захаров, которого цитирует в «Евангелие Достоевского» редколлегия указанного сборника, считает, что Фёдора Михайловича можно с полным правом назвать одним из провозвестников нового жанра в русской литературе – пасхального рассказа, а церковь, как положительный общественный идеал должна явиться центральной идеей романа «Братья Карамазовы»; причём, соглашаясь с В. С. Соловьёвым («Три речи в память Достоевского»), никто в русской, да и в мировой литературе не ставил подобной задачи [3] Согласимся, – как это резко контрастирует с позицией знаменитого «коллеги» писателя – Л. Н. Толстого, дерзнувшего начать работу по «творческой» переработке Евангелия, позволившем себе провозгласить «оптимизацию» российских священнослужителей, объявив их «дармоедами», (см. его пасквильное сочинение «Царство Божие внутри нас»), и, в конце концов, решением Синода в 1901 году, отлучённого от Русской Православной церкви!

В советское время произведения Фёдора Михайловича Достоевского рассматривались в качестве враждебных и опасных в условиях борьбы с «религиозными предрассудками», однако, признавались заслуги писателя в отражении негативных сторон существующего строя. Так, литературовед Иосиф Моисеевич Френкель (1893-1964), поместивший свой очерк в IV томе «Малой Советской Энциклопедии» за 1935 год под псевдонимом «А. Лаврецкий», – считал Ф. М. Достоевского самой мощной фигурой, «которую выдвинула реакция в литературе, дабы разбить современную ему революционную идеологию её же оружием, тем самым овладев умом и сердцами наиболее идейной и искренней части революционной молодёжи.» [4] Автор призывает изучать те многообразные способы, которыми русский писатель внушает читателю враждебные социалистическому строю тенденции, ибо Ф. М. Достоевский – мастер пропаганды идей, какую бы «модернизированную» окраску они не принимали [5] Далее автор указывает, что писатель, свидетельствуя о врождённом анархизме человеческой природы, убеждён в том, что её просветление доступно лишь религии [6] Приводя свою аргументацию к «Бесам», И. М. Френкель с нескрываемым возмущением называет это произведение «дискредитирующим революцию и революционеров» [7] Цитируя Ф. М. Достоевского, автор энциклопедической статьи приводит его убеждение в том, что дело «бесов революции бесплодно, ибо создаётся извращёнными и опустошёнными лишними людьми», «тургеневскими героями в старости» (термин Майкова) из либерального барства, (например, Верховенский и Ставрогин). (там же) Как итог звучат слова критика: «... и вот этот то негодный человеческий хлам реакционный художник хочет навязать революции, чтобы её дискредитировать.» [8] Отметим, что в указанный период времени собрание сочинений Фёдора Михайловича Достоевского выходило далеко не в полном объёме. Так, например, «Дневник писателя» в нашей стране увидел свет в полной версии лишь в 2010 г. усилиями Института Русской цивилизации в Москве. (руководитель О. А. Платонов).

Более полное исследование творчества Ф. М. Достоевского принадлежит основателю марксистской школы литературоведения Валерьяну Фёдоровичу Переверзеву (1882-1968); оно было помещено в III томе «Литературной Энциклопедии» за 1930 год. Автор очерка признаёт, что Ф. М. Достоевский для новейшей русской литературы – центральная фигура, равно как Пушкин занимал центральное место в литературе дворянского периода. (9) Пытаясь применить к его творчеству «триаду» Гегеля, В. Ф. Переверзев разделяет критику творчества писателя на: 1) период 1840-1960 г. г. с тезисом «гуманного таланта» (Белинский); 2) период 1880 г. – «жестокого таланта» (Михайловский) и фактором реакции; 3) марксистскую критику («синтез» после «тезиса» и «антитезиса») с бунтарством, тяготеющим к смирению, смирению, тяготеющему к бунту, революционера, тяготеющего к реакции и реакционера, тяготеющего к

революции. (там же) Личная же характеристика творчества Фёдора Михайловича Достоевского в устах указанного критика звучит как воплощение «мрачного трагизма» [10] Автор статьи не усматривает в произведениях выдающегося русского писателя «творческого силы»; христианское смирение, воспетое им, подпадает под понятие «прострация» и беспомощной социальной покорности [11] Наиболее ценным, на наш взгляд, наблюдением в указанном энциклопедическом фрагменте, является изложенная соавтором В. Ф. Переверзева – Фатимой Риза-Заде версия о том, что в буржуазной Европе Достоевский, пытавший дать теорию нового духовного обновления, остался чужим, а носители этой концепции, положительные герои – Мышкин, Алёша Карамазов, старец Зосима – не нашли себе подражателей на Западе [12] Действительно, популярность сочинений Ф. М. Достоевского, как проницательно подмечено достоеведом Фатимой Риза-Заде (?-?) касалась лишь психологической составляющей творчества писателя, о чём можно найти подтверждение и в работах таких учёных, как Л. И. Шестов («Достоевский и Ницше»); исследованиях, написанных в 1920-1930 г. г. за рубежом и увидевших свет в России лишь в постперестроечный период. Своеобразным «итоговым документом» в цикле работ по «достоеведению» сегодня может быть монолог любимого героя Достоевского – Алёши Карамазова: «Милые друзья мои! Будем прежде всего добры, потом честны, потом будем жалеть друг друга. Не бойтесь жизни, она хороша, когда сделаешь что-нибудь хорошее и правдивое!» [13] Эти замечательные слова, на наш взгляд, логично поместить на «фронтоне» здания русской национальной художественной культуры, как воплощение лучших традиций исторического Православия в пределах Святой Руси – России.

Что касается творчества главного «предшественника» Ф. М. Достоевского – А. С. Пушкина, то тема «Пушкин и Сибирь» в настоящее время хотя и считается достаточно изученной (или даже исчерпанной) [14], однако, именно в среде региональных исследователей нередко возникают дискуссии, выводящие тематику за пределы узко филологических вопросов.

Так, на одной из научно-практических конференций г. Тюмени в начале 2000-х годов, в рамках секционных заседаний, куда помимо преподавателей-филологов средних и высших учебных заведений города были приглашены учителя православных духовных училищ, – был в числе прочих поднят вопрос, сразу ожививший течение дискуссии. Формулировка этого параграфа выглядела следующим образом: «Действительно ли Александр Сергеевич Пушкин – это наше ВСЁ?» При этом вышеуказанная формула с неизбежностью требует расшифровки: кто это – «мы»? Известно, что советский филолог П. В. Палиевский стал автором широко известного в своей среде афоризма; «Пушкин высказался на все случаи жизни», однако, есть и другой афоризм, принадлежащий славянофилу И. С. Аксакову: «Российская империя – это христианское общество, отрекшееся от Христа». В более позднее время с «подачи» русского эмигрантского публициста И. Л. Солоневича (1889-1953) вошло в оборот выражение «бывшая Святая Русь».

Представители православного «сектора» вышеуказанной конференции, соглашаясь с фактом большей «популярности» сочинений А. С. Пушкина в сравнении с Ф. М. Достоевским, озвучили критерии оценки произведений, предложенной филологом Михаилом Михайловичем Дунаевым (1945-2008), известным в нашей стране по 6-томнику «Православие и русская литература». Известно, что, к примеру, из всей массы сочинений А. П. Чехова в нём «отбор» прошёл лишь короткий рассказ «Студент», который и был рекомендован для включения в православный хрестоматийный сборник «Атака» на светский сегмент собрания продолжилась серией вопросов типа: «Можно ли считать соответствующим критериям христианской морали стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Вишня» или следующие строки из «Евгения Онегина»: «когда и где, в какой пустыне, безумец, их забудешь ты! Ах ножки, ножки, где вы ныне, где мнѣте вешние цветы?... давно ль для вас я забывал и жажду славы и похвал, и край отцов...»? Возмущённые оппоненты поспешили напомнить о знаменитой речи Ф. М. Достоевского в 1880 году на открытии памятника поэту, на что «ответчик» парировал словами Фёдора Михайловича о «всечеловечности» Пушкина, а вовсе не о тех фрагментах его творчества, которые были «заявлены» в докладе.

В противоположность А. С. Пушкину Фёдор Михайлович Достоевский, которому, по всей вероятности, также не была безразлична женская красота, в своём творчестве, как известно, избегал «смакования» в описании тела, но вошёл в историю со словами, адресованными своей жене Анне Григорьевне: «Я даже в мыслях никогда не изменял тебе!»

Тюменский профессор филологии С. П. Суровягин, известный, помимо прочего, тем, что обвиняя в безбожии студентов, делал упрёк «старой преподавательской массе», работающей по устаревшим советским клише. – разделяет суждения исследователя Л. И. Сараскиной (1945 г. р.), автора книги о Ф.М. Достоевском, увидевшей свет в серии ЖЗЛ в 2011 году, где автор опровергает выводы своего предшественника Л. П. Гроссмана, выпустившего книгу о писателе в 1963 году, в которой утверждается, что Ф. М. Достоевский до конца своих дней оставался малорелигиозным, сомневающимся в православии и церкви, человеком [15].

Справедливости ради следует заметить, что «наезды» на некоторые аспекты жизни и творчества Фёдора Михайловича происходили не только со стороны светских и малоцерковлённых писателей (Михайловский, Вересаев и другие), но и таких православных сочинителей, как, к примеру, И. М. Концевич, который в своём труде «Оптина пустынь и её время» подверг сомнению достоверность в описании Ф. М. Достоевского монашеской жизни [16] Как и следовало ожидать, в монографии Л.П. Гроссмана, обойдён вопрос об Евангелие Ф.М. Достоевского – книге, единственно разрешённой для чтения в течение длительного времени.

Известный сибирский краевед Пётр Андреевич Словцов (1763-1843) автор «Исторического обозрения Сибири» в беседе с тоболяком В. Д. Соломирским высказал мысль о том, что «род сочинений А. С. Пушкина мог быть возвышеннее, однако... гении своевольны» [17] Данное изречение стало известно благодаря переписке Владимира Дмитриевича Соломирского с поэтом, а часть писем вошла в собрание сочинений поэта. (там же) Есть основание полагать, что Сибирь для А. С. Пушкина была одним из источников творческого вдохновения * и связывалась с планами обширного исследовательского проекта, реализации которого помешала трагическая гибель в самом расцвете физических и духовных сил [18].

Кроме того, ряд современных «пушкиноведов», (например, московский профессор Ю. А. Дворяшин), не без основания полагают, что интерес поэта к Сибири в связи с темой декабристов («во глубине сибирских руд...») сильно преувеличен, что вызвано реалиями советского периода истории [19] Есть все основания полагать, что к завершению своего писательского проекта, Александр Сергеевич Пушкин не только бы обогатил корпус сибиреведческих материалов, но и ощутил на себе духовно-оздоровляющее воздействие этого благодатного края..., который так сильно преобразил личность «попавшего не по своей воле» в Сибирь Фёдора Михайловича Достоевского.

Вот уже не одно столетие личности двух гениев Земли Русской находятся в авангарде движения в русле филологии, философии, искусства, формируя собой «отряды» «пушкиноведов» и «достоеведов» и оставляя далеко позади разрозненные группы исследователей творчества других поэтов и писателей. В среде филологов даже существует иронические прозвища этих почитателей типа: «грибоедоведы», «гончароведы», «фонвизеневеды», а в зарубежном секторе «вальтерскоттоведы»!

Достаточно привести лицейское стихотворение поэта, где покорителю Сибири посвящены следующие строки: «Возьми пример с того поэта, с того, которого рука нарисовала Ермака в снегах незнаемого света».

Нам кажется весьма симпатичным, что расширение спектра «достоеведения» сегодня наблюдается именно здесь, «во глубине сибирских руд», где, вероятнее всего, впервые прозвучали, впоследствии ставшие знаменитыми, слова Фёдора Михайловича: «Если бы мне доказали, что есть где-то другой бог, более понятный, сильный, справедливый, то я от всего предложенного отказался, только бы остаться с моим Иисусом Христом!» Именно в нашем регионе в последние десятилетия набирают силу голоса, пытающиеся опровергнуть приведённые выше, наполненные пессимизмом слова И. С. Аксакова и И. Л. Солоневича – людьми, по всей видимости, не знавших Сибирь – Страну духовных чудес!

Список литературы:

1. Старков, О. Г. Тобольск, Богом данный. Сибирь в судьбе России. Сборник статей Всероссийской научно-технической конференции. Руководитель проекта А. Г. Елфимов. – Тобольск. ТРОБФ «Возрождение Тобольска» 2024. – С. 184-196
2. Тихомиров, Б. Н. Отражение Евангельского слова в тестах Достоевского. Евангелие Ф. М. Достоевского, Том 2. Исследования. Материалы к комментарию. ФГБУ Российская государственная библиотека. Москва 2017 Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска Тобольск 2012.т – С. 112
3. Захаров, В. Н. Достоевский и Евангелие. Указ. соч. – С. 48
4. Лаврецкий, А. Достоевский. Малая Советская Энциклопедия. Государственный институт. «Советская энциклопедия» Москва ОГИЗ РСФСР 1935 т.4. – С. 81
5. Лаврецкий, А. указ. соч. – С.82
6. А. Лаврецкий, указ. соч. – С.81
7. А. Лаврецкий, указ. соч. – С.79
8. А. Лаврецкий, указ. соч. – С.80
9. В. Ф. Переверзев. Достоевский. Литературная энциклопедия. Издательство коммунистической академии. Москва. 1930, т. 3. – С. 407
10. Указ. соч. – С. 400
11. Указ. соч. – С. 406
12. Фатима Риза-Заде. Достоевский на Западе. Указ. соч. – С. 410
13. Протоиерей А. Смирнов. Достоевский и Ницше/ Л. И. Шестов. Достоевский и Ницше. Философия трагедии. Москва. Академический проект. Культура. 2020. – С. 463
14. Дворяшин, Ю. А. Сибирь в творческих представлениях и замыслах А. С. Пушкина. Сибирь в судьбе России: Сборник статей Всероссийской научно-технической конференции. Тобольск. ТРОБФ «Возрождение Тобольска» 2025. – С. 200
15. Гроссман, Л. П. / Ф. М. Достоевский. Москва. «Молодая гвардия» 1963. – С. 176
16. И. М. Концевич. Оптина пустынь и её время. Стяжание Духа Святого. Москва. Институт Русской цивилизации. 2009. – С. 798-799
17. Дворяшин, Ю. А. Указ. соч. – С. 203
18. Дворяшин, Ю. А. Указ. соч. – С. 205-206
19. Дворяшин, Ю. А. Указ. соч. – С. 202

